

О том, как принимал в гостях Маяковского, об Осипе Брикe, «Кафе поэтов» и журнале «Новый Сатирикон»

<http://oralhistory.ru/talks/orh-32>

№ 7

ЦЕНА ОТД. № вь розн. продактъ 85 к. и на ст. жел. дор. 90 к.

АПРѢЛЬ 1918

20 декабря 1967

Рис. Р.-М.

Собеседник

Ардов Виктор Ефимович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 20 декабря 1967 и опубликована 22 февраля 2017.

Введение

Первая беседа Виктора Дувакина с писателем Виктором Ардовым состоялась в 1967 году, в период, когда Дувакин прежде всего интересовался воспоминаниями о Маяковском — это было определяющим направлением работы Дувакина до 1970 года. Ардов начинает с рассказа о первой встрече с Маяковским в «Кафе поэтов», у входа в которое висели распятые брюки, а позже, в других беседах, возвращается к подробностям биографии. Ардов, работавший в 1920-е годы в сатирическом журнале «Красный перец» вместе с Маяковским, вспоминает, что поэт был очень плодовитым «темистом» — автором тем для карикатур. И приводит несколько примечательных историй из жизни сатирических журналов тех лет.

С большим уважением отзывается Ардов об Осипе Брикe, называя его поразительным человеком и настоящим литературным вождем. В завершении беседы Ардов рассказывает, как в 1927 году принимал Маяковского у себя в гостях.

Комментарии к беседам с В.Е. Ардовым подготовил филолог Николай Паньков.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Пожалуйста, Виктор Ефимович.

Виктор Ефимович Ардов: Маяковский был старше меня на 7 лет. Он родился в 93-м году, а я в 900-м. Такое соотношение возраста, по-моему, хорошо тем, что он был как бы идейным вожакom моего поколения. Разница не столь велика, чтоб был разрыв, и все же она значительна: я всегда на него смотрел как на человека, который гораздо старше меня. И я хочу сказать, что для моего поколения советской молодежи Маяковский был ведущим выразителем наших настроений, чувств, мыслей. Эпоха была сложная. Общеизвестно, как революция сломала все, все переменяла, все переадресовала, и Маяковский объяснял нам советскую власть... так же сильно и так же важно, как, скажем, газета «Правда».

Я относился к нему всегда с необыкновенным уважением и почтением. Надо было быть предвзятым тупицей, чтобы не понимать, что Маяковский — великий поэт. Не только его стихи, но вся его фигура, вся его внешность, его голос, манера вести себя, мысли, которые он пропагандировал, — все это сразу, на мой взгляд, делало его классиком. Я помню, что при жизни, когда я говорил кому-то, что, «ну вот, посмотрим, как у классиков, Маяковский об этом говорит так...», надо мной смеялись или сердились. Кстати, и Есенин при жизни не был признан: к нему слава и признание пришли только после самоубийства, а так обыватели его считали хулиганом и сукиным сыном, а уже после смерти сопли распустили и слезы. То же было и с Маяковским в какой-то мере.

Я стихи Маяковского узнал до революции. Это были те его сатирические гимны и оды, которые он печатал в журнале «Новый сатирикон». Этот журнал мне очень нравился, по моему младенческому возрасту. Я примерно с 12-13-го года обожал Аверченко¹ и все это. Конечно, я не мог тогда постигать ту долю пошлости и обывательщины, которые в этом журнале и у самого Аверченко, писателя талантливого, была все-таки. И вот однажды я натолкнулся на стихотворение без подписи в «Сатириконе». При этом стихотворении был рисунок художника Радакова Алексея Александровича — одного из основателей журнала «Сатирикон»². Радаков писал сам стихи, и я подумал что, очевидно, это стихи Радакова. Впоследствии я узнал, что это были стихи Маяковского. Почему они были не подписаны? Это — «Гимн взятке», «Гимн критике»...

¹ Журнал «Сатирикон» выходил с 1908 по 1913 гг. (о нём ещё будет разговор впереди). Писатель Аркадий Тимофеевич Аверченко (1881–1925) был одним из основателей и постоянных авторов этого журнала.

² Об А.А. Радакове (1879–1942) Ардов подробнее расскажет в третьей беседе. Весьма колоритный образ Радакова создал поэт-сатириконец В.В. Князев в своих неопубликованных мемуарах: «...если бы можно одним словом исчерпать всю его художническую в "Сатириконе" сущность, я бы назвал его — Вахх. Вахх юморно-сатирического рисунка. <...> Если Радаков был — стихия, то про Аверченко — нечего и говорить! Впрочем, оба они были духовные братья. Оба вместе они способны были свалить могучим разрядом своей нечеловеческой творческой энергии не то что слона, но и Хеопсову пирамиду» (Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф.2041, оп.1, д.189, лл.111–112). А.И. Дейч в своих «Арабесках времени» писал о нём: «Вот Радаков <...>. Необыкновенно жизнерадостный, всегда весёлый и порывистый» (Дейч А.И. Арабески времени // Дейч А.И. День нынешний и день минувший. Литературные впечатления и встречи. М.: «Советский писатель», 1969, с.292).

В.Д.: Вообще подписывал там...

В.А.: Нет, в «Сатириконе» они не были подписаны³, и это было не случайно. С одной стороны, Аверченко не очень хотел, чтобы одиозное имя футуриста, ходящего в желтой кофте, появлялось на страницах его журнала. Надобно заметить, что «Сатирикон» травил «левое» искусство вообще все: и живопись, и футуристическую литературу и «левый» театр. А с другой стороны, и Маяковский не был заинтересован в этом буржуазном журнале печататься. Известно, что вскоре после затухания революционной борьбы (журнал «Сатирикон» возник в 1908-м, если не изменяет память, году) уже в 10-м году Саша Черный вышел из редакции «Сатирикона», пославши письмо Аверченко, что он не желает принимать участие в танцклассе на кладбище⁴. И вот впоследствии мне Владимир Владимирович рассказывал вот о чем. Он бывал в «Сатириконе» часто, и Аверченко его в общем привечал⁵. Это были годы Первой мировой войны, а потом Маяковского взяли в солдаты, и он был зачислен в автобатальон, как известно. Когда он пришел первый раз постриженный догола... с постриженной догола головой, как полагается солдату, то Аверченко сказал: «Вот какой темперамент у человека — всегда делает в два раза больше, чем нужно». Смысл этой остроты такой: что каторжникам брили половину головы, а Маяковский пришел с полностью обритой головой, значит, Аверченко ему хотел сказать, что он — каторжник.

³ В напечатанном варианте своих воспоминаний Ардов сформулировал эту мысль осторожнее: «...как известно, Маяковский не всегда подписывал в журнале эти произведения» (Ардов В.Е. Этюды к портретам. М.: «Советский писатель», 1983, с.6; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные. М.: «Вагриус», 2005, с.16). Но стихотворения, опубликованные в журнале «Новый Сатирикон», конечно, были подписаны В.В. Маяковским (см.: «Новый Сатирикон», 1915, №9, с.2; №12, с.12; №27, с.9; №28, с.7 и т.д.). Только «Гимн взятке» имел подпись «В.», но и то лишь потому, что в 35-м номере журнала за тот же 1915 год (специально посвященном теме взяточничества) было напечатано ещё одно, подписанное, стихотворение Маяковского — «Внимательное отношение к взяточникам».

⁴ Поэт, писатель, переводчик Саша Черный (наст. имя и фамилия Александр Михайлович Гликберг, 1880–1932) прекратил печататься в «Сатириконе» весной 1911 г. Вероятно, Ардов имеет в виду «Письмо в редакцию», напечатанное Сашей Черным в ноябре того же года в газете «Речь». Возражая против того, что его называли среди поэтов «Сатирикона», Саша Черный, в частности, писал, что уже «разошелся с его редакцией, считая несовместимым с задачей сатирического журнала то увеселительно-танцклассное направление, которое все определеннее проводится в "Сатириконе" за последнее время <...>» («Речь», 1911, №304, 5 ноября, с.7).

⁵ «Маяковского любили в "Новом Сатириконе". Все, что он давал журналу, — печатали, добродушно относились к его поведению, которое он старался делать не спокойным и бурным — хотя ни одного бестактного поступка он не совершил — а ведь тогда был расцвет его "эпатирующего тона". Аверченко часто говорил ему: — Слушайте, Маяковский, вы же умный и талантливый человек, и ясно, что у вас будет и слава, и имя, и квартира, и все, что бывает у всех поэтов и писателей, которые этого заслуживают и этого добиваются. Так чего же вы беситесь, ходите на голове <...> Честное слово, для чего это? Чудак вы, право!» (см. воспоминания Е.Д. Зозули «Сатириконцы» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Д.В. Неустроева) // «Русская литература», 2005, №2, с.181–182).

В.Д.: Это вы говорите со слов...

В.А.: Владимира Владимировича. Это он мне в 26-м году рассказывал. И еще рассказал мне Аверченко, то есть, простите, Маяковский рассказал одну остроту Аверченко. Он был похож на еврея — Аверченко: большой нос, губы чувственные, пенсне⁶, и часто его спрашивали: «Аркадий Тимофеевич, вы не еврей?» Он вздыхал и говорил: «Опять раздеваться!»⁷

⁶ Ср. описание внешности Аверченко в мемуарах С.М. Эйзенштейна: «Волос у него черный. Цвет лица желтый. Лицо одутловатое. Монокль в глазу или манера носить пенсне с таким видом, как будто оно-то и есть настоящий монокль. Да еще цветок в петличке» (Эйзенштейн С.М. Мемуары. Т.1. Wie sag' ich's meinem Kinde?! / Составление, предисловие и комментарии Н.И. Клейман. М.: Редакция газеты «Труд», Музей кино, 1997, с.50).

⁷ В начале 1910-х гг. в реакционной прессе не раз высказывались сомнения в «русскости» Аверченко, был запущен слух, что его настоящая фамилия — Лифшиц (см.: Левцкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко. М.: «Русский путь», 1999, с.41). Аверченко в статье «Некоторое рассуждение», опровергая эти слухи, писал о себе: «Такой же русский, православный, хотя некоторые сотрудники "Русского Знамени" и "Нового Времени" стараются уверить всех, что я еврей» («Новый Сатирикон», 1914, №26, с.8).

В.Д.: Ага, понятно.

В.А.: Да... А самого Маяковского я увидел уже в Москве, примерно в 20-м году, в «Кафе поэтов». О «Кафе поэтов» стоило бы рассказать подробнее, но это не моя, собственно, тема, хотя я тоже могу рассказать!

В.Д.: Если вы там бывали — расскажите.

В.А.: Это Тверская улица, дом 18, напротив Почтамта. Дом этот уничтожен...

В.Д.: Как Почтамта?

В.А.: Ну, Главный почтамт, на улице Горького...

В.Д.: Он же, Главный почтамт, на улице...

В.А.: Ах нет, простите, телеграф, Главный телеграф.

В.Д.: Ах, значит, здесь, внизу, у проезда Художественного театра.

В.А.: Гораздо ближе к Охотному. Это было так: значит, ныне сохранившийся Георгиевский переулок, перекрытый аркой, а от него второй дом, если подниматься кверху, к площади Пушкина, вот тут и было несколько маленьких домиков с магазинами. Один из магазинов, в который надо было подниматься ступеней 8—10, был занят этим самым «Кафе поэтов». Причем раньше там было кафе «Домино». Это было второе помещение «Кафе поэтов». Первое помещение «Кафе поэтов» было в Настасьинском переулке. Там Маяковский тоже выступал, но там я не был. Мои родители мне рассказывали однажды, что они попали туда. Отец мой был инженер, скромный человек, и они с какой-то компанией попали, и это было во время войны тоже. А уже после войны, во время революции, «Кафе поэтов» было в этом вот бывшем «Домино».

В.Д.: Простите, Виктор Ефимович, и оно называлось в это время «Кафе поэтов» или по-другому?

В.А.: «Кафе поэтов». Оно называлось «Кафе поэтов» и было украшено такой левой росписью, при входе висели на стене распятие брюки Сергея Есенина, который был членом правления Союза поэтов и было написано его двустишие⁸.

⁸ По воспоминаниям В.П. Комарденкова, элементом оформления «Кафе поэтов» были брюки не Есенина, а В.В. Каменского: «Василий Каменский принес свои старые брюки <...> и, распластав, прибил их на центральную стену первого зала. На брюках была укреплена клетка, под этим сооружением на листе бумаги размашисто и крупно написано: "Вот в чем ходил раньше, смотрите, в чем хожу теперь!". В клетку на жердочку прикрепили бумажку с надписью "Птичка улетела". Василий Васильевич мне объяснил, что это все для задора» (Комарденков В.П. Дни минувшие (Из воспоминаний художника). М.: «Советский художник», 1972, с.66). Л.В. Никулин тоже писал о «Кафе поэтов»: «...стены были раскрашены футуристическими рисунками, на потолке прибиты штаны и написаны стихи Каменского <...>» (Никулин Л.В. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М.: «Советский писатель», 1962, с.50).

В.Д.: Какое?

В.А.: Облаки лают, гудит...

В.Д.: ...ревет?

В.А.: ...ревет златоверхая высь...

В.Д.: ...златогубая⁹ высь...

В.А.: ...златогубая высь...

В.Д.: Пою...

В.А.: Пою и взываю: Господи, отелись¹⁰.

⁹ Правильно: «златозубая».

¹⁰ Начало стихотворения С.А. Есенина «Преображение» (1917).

Это был как лозунг. Это безумно пугало обывателей.

В.Д.: 20-й год?

В.А.: Раньше — 19-й, 20-й. Причем там можно было съесть размазни пшенной за несколько тысяч рублей порцию, и пирожные делали полунелегальные. Буфет содержал отец поэта Матвея Ройзмана — оборотистый спекулянт¹¹.

¹¹ Матвей Давидович Ройзман (1896–1973) в 1920–1930-е гг. выпустил несколько поэтических сборников (Красный алкоголь. Б.м., 1922; Мы чем каемся. М., 1922 [оба сборника совместно с В.Г. Шершеневичем]; Хевронское вино. М.: Всероссийский союз поэтов, 1923; Пальма. М.: Всероссийский союз поэтов, 1925) и два романа (Минус шесть. М.: Московское товарищество писателей, 1929; Эти господа. М.: Московское товарищество писателей, 1932). См. его архивный фонд: РГАЛИ, ф.289. Отец Ройзмана не «содержал» буфет «Кафе поэтов», а некоторое время служил там заведующим, пока ремонтировались мануфактурные склады «Казанбург», где он работал на постоянной основе (Ройзман М.Д. Все, что я помню о Есенине. М.: «Советская Россия», 1973, с.79–80).

Вот там я увидел Маяковского. Он сидел за столиком, ел эти скудные, но дозволенные харчи. А пришел Мариенгоф — красивый молодой человек во вкусе Пьеро, с пробором посреди головы¹². Он смущенно ему сказал: «Здравствуйте, Владимир Владимирович!» Маяковский ответил ему издевательски: «Здравствуйте, Мариенбад!» Мариенбад — курорт пошлый, а Мариенгоф — была фамилия его¹³. (Другой раз я вам расскажу, как Сергей Есенин повел себя на одном из таких вечеров.) Так вот, я должен сказать, что когда я увидел Маяковского, то я был просто потрясен: это удивительное сочетание голоса, внешности, роста...

¹² Поэт Анатолий Борисович Мариенгоф (1897–1962), друг Есенина, один из лидеров группы имажинистов. Следующую беседу с Дувакиным Ардов начнет, говоря о мемуарной книге Мариенгофа «Роман без вранья», которая в значительной мере была посвящена Есенину. Ср. описание внешности Мариенгофа у другого мемуариста: «<...> Анатолий Мариенгоф, молодой, высокий и очень красивый мужчина; <...>» (Шнейдер И.И. Встречи с Есениным. Воспоминания. М.: «Советская Россия», 1965, с.26).

¹³ В опубликованном варианте воспоминаний Ардов отчетливее пояснил смысл искажения Маяковским фамилии Мариенгофа: «“Мариенбад” — название всемирно известного курорта в Австрии. “Мариенгоф” — название курорта под Ригой, теперь он переименован в Майори (латышское название вместо немецкого). Подчеркивая в фамилии Мариенгофа ее “курортное” звучание, Маяковский как бы высказывается в том смысле, что стихи Мариенгофа носят курортный характер» (Ардов В.Е. Этюды к портретам..., с.6; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные..., с.17).

” Интересно, что сенатор де Монзи — государственный деятель Франции, увидевши Маяковского в Москве, сказал: «Надо показать эту пасть Парижу».

Это у Никулина написано¹⁴. Пасть у него была, действительно, удивительная. И весь он держался как-то стилистически собранно. И трудно было догадаться, что в сущности он очень чуток, нежен, деликатен, раним. А наступал он всем на ноги и вел себя именно так, как того требовала внешность его и его стихи, темпераментные, нервные. Я сразу был покорен Маяковским и сразу же, повторю, полюбил его и его стихи и прочее.

¹⁴ См.: Никулин Л.В. Владимир Маяковский. Воспоминания. М.: «Правда», 1955, с.29 (см. то же: Никулин Л.В. Люди и странствия. Воспоминания и встречи. М.: «Советский писатель», 1962, с.61).

Знакомство с Маяковским

Познакомился я с Маяковским в журнале сатирическом «Красный перец». Он стал выходить в 23-м году. Я скоро был туда приглашен...

В.Д.: Вы писали уже к этому времени?

В.А.: Я начал... первый фельетон написал в 22-м году в театральном журнале, а в 23-м году уже начал печатать общегражданские фельетоны, юмористические рассказы сперва в «Красном перце», с 25-го года — в «Крокодиле», к 29-му году — в «Чудаке» и т. д. В «Красный перец» приходил и Маяковский. Он давал свои стихи, а потом он узнал, что в редакции не хватает тем для рисунков. Ведь для сатирического журнала это очень серьезная вещь: в каждом номере — не менее 20 рисунков. Рисунок требует сюжета, сюжеты придумывают как художники, так и литераторы. И это уже во всех журналах очень давно: так было и в «Сатириконе», и вот в скончавшемся в нынешнем году *Simplicissimus* в Мюнхене¹⁵.

¹⁵ Журнал *Simplicissimus* существовал с 1896 по 1944 гг. (см.: Heinzelmann H. (Hrsg.): *Simplicissimus: 1896–1944 Original-Grafiken und Drucke aus den Jahren 1896–1933*. (Ausstellung Galerie Guth-Maas & Maas, Reutlingen, 24. März bis 5. Mai 1996, Ausstellung Olaf Gulbransson Museum, Tegernsee, 4. August bis 27. Oktober 1996), Reutlingen 1996; *Simplicissimus. Eine satirische Zeitschrift. München 1896–1944, Katalog der Ausstellung Im Haus der Kunst. München, 1977/78*, etc.

В.Д.: Окончился *Simplicissimus*?

В.А.: Да, закрыли. А *Simplicissimus* был образцом, по которому Аверченко делал «Сатирикон»¹⁶.

¹⁶ По словам Л.А. Евстигнеевой, в «Сатириконе» «широко пропагандировался иностранный юмор: английский, французский, немецкий. “Сатирикон” из номера в номер перепечатывал карикатуры немецких юмористических журналов “*Simplicissimus*”, “*Fliegende Blätter*”, “*Meggendorfers Blätter*”, “*Kladderadatsch*”, “*Jugend*” и др. Поэтому современники воспринимали “Сатирикон” как русский “Симплициссимус” (Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы. М.: «Наука», 1968, с.25).

В.Д.: Ведь он же очень старый журнал...

В.А.: Ну, не так... как сказать, он в конце прошлого века возник. Он лет 70 существовал...

В.Д.: А не раньше?

В.А.: Нет — нет, это был журнал все-таки модерн. Журнал интересный. Там были интересные художники, как, например, Олаф Гульбранссон¹⁷, которого... которому очень подражал наш Моор. Да и сам... «Сатирикон» возник на месте журнала, по-моему, «Будильника». Или нет... «Будильник» был в Москве... «Осколки»¹⁸! Издатель «Осколков» был старик Корнфельд, нет, простите, Горнфельд и звали его Герман¹⁹. А главным редактором у него был Иван Василевский (в скобках: Буква)²⁰.

¹⁷ Норвежский художник Олаф Гульбранссон (Olav Gulbransson, 1873–1958) работал в журнале «*Simplicissimus*» с 1902 по 1944 гг. (кроме 1922–1927 гг., когда он возвращался на родину). См. о нем: Olaf Gulbransson. Werke und Dokumente. (Germanisches Nationalmuseum Nürnberg, 13 Dezember 1980 bis 15 Februar 1981). Archiv für Bildende Kunst am Germanischen Nationalmuseum Nürnberg. Katalog: Ludwig Veit, München 1980 (2 Auflage 1986), etc. Интересна характеристика, которую дал творчеству Гульбранссона Л.Д. Троцкий в своей статье о журнале «*Simplicissimus*», написанной в 1908 году: «... Гульбранссон бесконечно разнообразен в выборе своих тем. Тут и прусская юстиция, и профессура, и князи мира сего, и богема, и пастор со чады, и даже небесные сферы. <...> У Гульбранссона в рисунке упрямое пристрастие к геометрическим формам. Параллельные линии, прямые углы; живот пастора в виде правильной окружности. Все фигуры поэтому жестки и кажутся как бы накрахмаленными, но в то же время достигают высшей выразительности» (Троцкий Л.Д. Литература и революция. М.: «Красная новь», 1923, с.311).

¹⁸ «Сатирикон» начал выходить в 1908 г. вместо журнала «Стрекоза», хотя, как вспоминал сам Аверченко, была вероятность и другого развития событий: «Несколько дней подряд я бродил по Петербургу, присматриваясь к вывескам редакций — дальше этого мои дерзания не шли. См. также «Эскизы к биографии Аркадия Аверченко» композитора Н.В. Богословского: Богословский Н.В. Что было — то было, и кое-что еще... М.: ОЛМА-Пресс, 2000, с.269–286. «От чего зависит судьба человеческая — редакция “Шута” и “Осколков” помещалась на далеких незнакомых улицах, где-то в глубине большого незнакомом города, а “Стрекоза” и “Серый волк” в центре <...>. Будь “Шут” или “Осколки” тут же, в центре, — может быть, я бы преклонил свою скромную голову в одном из этих журналов <...>. — Пойду сначала в “Стрекозу”, — решил я. По алфавиту. Вот что делает с человеком обыкновенный скромный алфавит — я остался в “Стрекозе» (Аверченко А.Т. Мы за пять лет // «Сатирикон», 1913, №28, с.6).

¹⁹ Издателем журнала «Стрекоза», основанного в 1875 г., был Г.К. Корнфельд (?–1904). Судя по всему, рассказчик перепутал эту фамилию с фамилией известного в 1910–1920-е гг. литературоведа А.Г. Горнфельда. О Корнфельде как человеке «от природы необычайно жизнерадостном, веселом, остроумном», который, кстати, одновременно с изданием юмористического журнала занимался производством каучуковых штампов и металлических вывесок, см.: Либрович С.Ф. На книжном посту. Воспоминания. Записки. Документы. Пг., М.: Издание товарищества М.О. Вольф, 1916, с.395–397 (в 2004 году переиздано Российской национальной библиотекой).

²⁰ Ардов путает два псевдонима. Буква — псевдоним Ипполита Федоровича Василевского (1849/1850—1920) — фельетониста, автора сказок и редактора журнала «Стрекоза». Не-Буква — псевдоним Ильи Марковича Василевского (1883—1938), фельетониста, в 1920-е гг. — эмигранта, сотрудника берлинской газеты «Накануне». В 1923 г., вскоре после А.Н. Толстого, вернулся из эмиграции (см: Миндлин Э.Л. «Накануне» // Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники. 2-е изд. М.: «Советский писатель», 1979, с. 140-141, 150; Борис Фрезинский. Письма Ильи Эренбурга Елизавете Полонской 1922–1966 (Предыстория переписки. Канва отношений) // «Вопросы литературы» 2000, №1, с. ; Л.Е. Белозерская-Булгакова, в 1920-е годы жена Василевского, опубликовала мемуары «О, мед воспоминаний» (1969), а также подготовленную по его рекомендации рукопись о своей эмигрантской жизни в Константинополе и Париже «У чужого порога»). В 1920-е гг. Василевский живет в Петрограде-Ленинграде. Он не прекращает свою журналистскую и писательскую деятельность: публикует исторические памфлеты «Николай II» (1923) и «Романовы» (1923–1924), выпускает книгу литературных памфлетов «Что они пишут? Мемуары бывших людей» (1925), где полемизирует с писателями русской эмиграции, работает в журнале «Изобретатель», печатает книгу очерков «Страна изобретателей» (1933) и другое. В 1937 году он был по ложному обвинению арестован и умер в тюрьме 14 июня 1938 года. Фельетоны Василевского, по словам Миндлина, «не отличались оригинальностью мысли или особенной глубиной, но были написаны с истинным блеском, всегда остроумны и, разумеется, читались легко» (Миндлин Э.Л. «Накануне» // Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники..., с. 140).

В.Д.: Буква... знаю такого.

В.А.: Когда умер Горнфельд, то молодой его сын Михаил Германович поддался увещанию Аверченко — он выгнал Василевского, и они создали журнал «Сатирикон»²¹, где редактором был Аверченко, приехавший из Донбасса. Он уроженец Крыма, потом работал в Харьковской губернии в Донецком бассейне где-то, а потом приехал в Петербург после... в седьмом, что ли, году²², и вот они создали этот журнал.

²¹ См. подготовленный к печати Л.А. Спиридоновой (Евстигнеевой) фрагмент «Воспоминаний» М.Г. Корнфельда (1884–1970), рассказывающий об этих событиях: «Вопросы литературы», 1990, №2, с.268–280. Полный текст «Воспоминаний» находится в РГАЛИ: ф.1337, оп.4, д.11.

²² По мнению Д.А. Левицкого, Аверченко прибыл в Петербург, вероятнее всего, в январе 1908 г. (Левицкий Д.А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко, с.29).

В.Д.: Ах это до... при Саше Черном еще?

В.А.: Это седьмой год примерно. Пайщиками журнала, помимо Горнфельда, были: Аверченко, художник Ре-ми (Ремизов), впоследствии эмигрировавший в Америку²³, художник Радаков Алексей Александрович, который скончался в эвакуации в начале 40-х годов в Тифлисе. С ним мне пришлось работать... И кто-то был четвертый... не помню кто, кажется, вот Горнфельд. Вот они создали журнал, причем они его и по технике типографской, и по макетам, и по всему делали на манер *Simplicissimus* а. Значит, вот как это было.

²³ Николай Владимирович Ремизов (наст. фамилия Васильев, 1887–1975) учился на живописном отделении Академии художеств (курса не окончил), с 1908 г. стал одним из ведущих сотрудников «Сатирикона» («Нового Сатирикона»). После революции с 1920 по 1922 гг. жил во Франции, а затем уехал в США. В третьей беседе Ардов скажет о нем Дувакину: «Ре-Ми уехал в Америку и там сделал большую карьеру. Он тамчего-то рисовал и прочее». Ремизов оформлял балетные постановки И.Ф. Стравинского, С.С. Прокофьева, Дж. Гершвина в Метрополитен-Опера. С 1939 работал художником-постановщиком в Голливуде, участвовал в создании десятков фильмов (см.: Лейкинд О.Л., Махров К.В., Северюхин Д.Я. Художники русского зарубежья. 1917–1939. Биографический словарь. СПб.: «Нотабене», 1999, с.485–486). А.И. Дейч вспоминал о нем: «Вот знаменитый Ре-Ми — высокий, худощавый и изящный» (Дейч А.И. Арабески времени // Дейч А.И. День нынешний и день минувший. Литературные впечатления и встречи, с.292).

В.Д.: Потом, значит, «Новый Сатирикон»...

В.А.: А потом «Новый Сатирикон» возник в 10-м году²⁴, как мне объяснил Радаков потому, что они установили, что Горнфельд их обманывает: он им не выплачивал те паевые взносы и прибыль, которые пали бы на их долю, если бы честно велось дело. Потому они от него ушли и создали свой журнал. А без Аверченко, Радакова, Ре-Ми «Сатирикон» кончился очень скоро, потому что он стал неинтересным, и подписчики все ушли в этот «Новый Сатирикон», да и розница тоже — в «Новый Сатирикон».

²⁴ Журнал «Новый Сатирикон» возник в 1913 г. (см.: Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы, с.106–107).

САМОЕ МОЩНОЕ РАДИО МИРА

Рис. К. Елисеева.
«Красный перец», 1925.

К. Елисеев. Самое мощное радио мира. Илл. в журнале «Красный перец»

Вот, а тут в «Красном перце» и были тоже темные заседания. Темные заседания — важная вещь для журнала, потому что советский журнал в особенности точно идейно должен обосновывать свои сюжеты. Это создает дополнительные трудности: чтобы 20 сюжетов выбрать, надо по крайней мере 100 сюжетов прослушать. И вот когда Маяковский увидел, что бедствует журнал с сюжетами, он сказал: «Я вам помогу» и принес 10 или 15 тем. Ему заплатили по 20 рублей за тему. Тогда на следующее заседание он принес еще 40 тем.

В.Д.: Это вы какой год...

В.А.: 23-й год — «Красный перец».

В.Д.: 23-й? Тогда уже... Ага, уже реформа началась²⁵...

²⁵ Речь идет о проведенной в 1922 г. финансовой реформе, в результате которой на смену крайне обесценившимся деньгам (с огромным количеством нулей на купюрах) был введен в оборот червонец, денежная купюра номиналом в 1, 2, 3, 5, 10, 25 и 50 рублей.

В.А.: В общем, стали снижать цены, потому что уже больше не было денег в редакции, а он приносил и по 10 рублей и по 5 рублей, в общем, он почти на год обеспечил редакцию темами, так как такая у него была потенция, так легко ему это давалось.

В.Д.: Значит, простите, можно сделать из этого вашего сообщения вывод, что если взять комплект 23-го года — «Красный перец» (я его даже хорошо помню), то не только то, что там подписано именем Маяковского (там же целый ряд стихов печатался, много стихов в «Красном перце» было, в собрании сочинений это видно), но и просто рисунки, не связанные со стихотворениями, основаны на темах Маяковского?

В.А.: Да. Да-да.

В.Д.: В большинстве, выходит?

В.А.: Кто его знает, может, и не в большинстве²⁶.

²⁶ Ср.: «...Маяковский приносил в "Перец" десятки сюжетов для карикатур и плакатов, сделанных со всеми достоинствами его дарования: темпераментные, выразительные, неожиданные и остроумные замыслы» (Ардов В.Е. Этюды к портретам..., с.27; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные, с.39).

В.Д.: Но — наполовину?

В.А.: Надо у старых сотрудников... поговорить, порасспросить. Например, художник Ганф²⁷ жив.

В.Д.: Жив?

В.А.: Художник Елисеев²⁸ жив.

²⁷ Юлий Абрамович Ганф (1898–1973) проживет еще до 1973 года, а Константин Степанович Елисеев (1890–1968) скончается через несколько месяцев после комментируемой беседы, в 1968 г. Однако Дувакин «порасспросить» их так и не успевает.

В.Д.: Не знал, что они живы.

В.А.: Валентин Петрович Катаев был потом заведующим литературной частью этого журнала, но впоследствии.

В.Д.: Этот Грамен умер.

В.А.: Грамен?

В.Д.: Да, Грамен.

В.А.: Да, давно умер, но он там и не работал. Грамен — в «Крокодиле»²⁸.

²⁸ О журнале «Крокодил» и, в частности, о Н.К.Иванове-Грамене (наст. фамилия Иванов, 1885–1961) Ардов расскажет в следующей беседе.

В.Д.: В «Крокодиле», да.

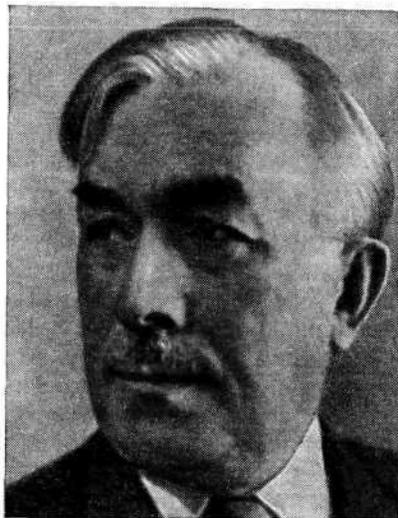
В.А.: А там был главным редактором Борис Михайлович Волин. Он был редактором газеты «Рабочая Москва»²⁹.

²⁹ Борис Михайлович Волин (наст. фамилия Фрадкин, 1886—1957) в середине 1920-х гг. был также заместителем редактора «Известий» и, вместе с Г. Лелевичем и С. Родовым, возглавлял журнал «На посту»; в 1930-е гг. — директор института литературы в Институте красной профессуры, начальник Главлита, начальник Главреперткома, зав. отделом школ ЦК ВКП, заместитель наркома просвещения РСФСР.

В.Д.: А он жив?

В.А.: Нет, умер. Но он только подписывал, а фактически делал журнал Леонид Межеричер, который погиб. Журналист и художник, он... погиб, по-моему, в ссылке³⁰.

³⁰ Леонид Петрович Межеричер (1898–1938) заведовал редакцией журнала «Красная нива», был ответственным редактором сатирического журнала «Красный перец», членом редколлегии «Крокодила», редактором Прессбюро Отдела Печати при ЦК РКП. С середины 1920-х гг. начинает серьезно заниматься фотографией. Находит себя в практической фотографии для столичных газет и журналов, а также в теоретических работах по теории фотографирования. Его статьи в журнале «Советское фото» и брошюра «Советская фотоинформация на новом этапе» (1931) долгое время были единственными руководствами для фоторепортеров и фотолюбителей в стране. Написал книгу по искусству фотографии, но ее рукопись затерялась в одном из московских издательств (см.: Евгенов С. «Энтузиаст "чужесного искусства" // «Советское фото», 1967, №2). Осужден за якобы участие в контрреволюционной троцкистской группировке и за агитацию за организацию контрреволюционного саботажа. Приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 07.02.1938 года на стানে Хаттынах Ягоднинского района Магаданской области. 23.05.1957 по постановлению Магаданского областного суда полностью реабилитирован.

ГАНФ
ЮЛИЙ АБРАМОВИЧ
(Род. в 1898 г.)

Ю.А. Ганф

В.Д.: Межеричер?.. Вот этой фамилии я не знаю. А Ганф, Елисеев и... кого вы назвали еще третьего?..

В.А.: Катаев.

В.Д.: Ах, Катаев, ну, Катаев это другое совсем!

В.А.: Катаева не надо спрашивать. Он был в этом журнале заведующим литературной частью и замредактора, но позднее. А потом там работал Евгений Петрович Петров — младший брат Катаева, которого старший брат пристроил литературным секретарем; кстати, Петров был великолепный работник редакционный³¹.

³¹ См. об этом в разделе «И.Ильф и Е.Петров» книги Ардова «Этюды к портретам» (с.86–88, 98–99, 103–104; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные, с.102–106, 113–116, 120–122).

Ну вот, там я встречался с Маяковским. Помню даже такой эпизод: редакция помещалась в полуподвальном помещении дома на углу улицы Пушкина и улицы Немировича-Данченко.

В.Д.: Немировича-Данченко — это...

В.А.: Тогда это называлось Спасо-Глинищевский переулок... и...

В.Д.: И, значит, *Малая Исправка* Большая Дмитровка.

В.А.: ...И Большой Дмитровки, в полуподвале. И там мы все вертелись, в этих двух комнатках. И была в редакции девушка. Кажется, она придумала себе псевдоним Раиса Рэм. Она все время околачивалась в редакции.

Ну, знаете, как это называлось впоследствии, Жозя. При каждом деле есть своя Жозя, вот она почему-то при сатирическом журнале вертелась.

Иногда она уговаривала кого-нибудь из сотрудников подписать рассказ ее именем и фамилией. Ну, мы издевались над ней, шутили. И вот однажды, когда Ганф ее донимал остротами, а Маяковский сидел тут же, опершись на палку и жуя папиросу, она обратилась к Маяковскому и сказала: «Владимир Владимирович, обнажите меч в защиту женщины». Маяковский после паузы ответил: «Холодно, знаете ли, здесь в подвале, боюсь простудиться».

В.Д.: Значит, тоже издевательски отнесся?

В.А.: Да... Так вот...

В.Д.: А девица была... такая... пошловатая — глуповатая?..

Знакомство с Осипом Бриком. Лиля Брик

В.А.: Да, конечно, конечно. Да, все это было несерьезно³². Очень скоро я познакомился и подружился с другом Маяковского — Осипом Максимовичем Бриком. Вот о нем я должен поговорить поподробнее, потому что человек этот ушел из жизни в конце 40-х годов недооцененный и даже наоборот — приниженный. Очень он скоропостижно умер, и так мне было обидно, что я не успел с ним еще хоть один раз поговорить. Человек удивительно интересный. Надо сказать, что Брик³³ — сын богатых родителей. Его отец и дед имели монополистическую торговлю в России кораллами. Это очень своеобразное дело, почти ювелирное. Он, сын богатых родителей, был помощником присяжного поверенного, кончил юридический факультет Московского университета (Брики вообще москвичи), еврей. Юридические дела его не так интересовали. Женился он на Лиле Юрьевне Каган, ей было лет, наверное, около 20, ему немножко больше. Жизнь у них была очень странной, потому что они дружили до самого дня смерти Брика, тогда как фактически они очень рано разошлись.

³² Рассказанное Дувакину о Маяковском и журналах «Красный перец» и «Чудак» Ардов частично повторил в разделе «Маяковский в сатирических журналах» своей мемуарной книги (с.25–31; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные, с.36–43).

³³ О жизни и деятельности О.М. Брика (1888–1945) см.: Валюженич А.В. Осип Максимович Брик. Материалы к биографии. Акмола: «Нива», 1993.

Брик переехал в Петербург и там жил в качестве помощника присяжного поверенного, но уже занимался... интересовался литературой. Впоследствии он был одним из членов ОПОЯЗа (Общества изучения языка). В это общество входили ученые, о которых можно сказать, что это великие ученые. Ну, — Жирмунский (ему дали звание академика после того, как Оксфорд присвоил ему докторскую мантию. У нас всегда любят почет за рубежом), Брик, Шкловский, Роман Якобсон, возглавляющий кафедру русской литературы в Гарвардском университете, человек выдающийся, и наконец, просто гениальный ученый — Юрий Николаевич Тынянов³⁴. Книги Тынянова, теоретические, — это просто поразительные явления. Я думаю, что он стал беллетристом потому, что понял, что в 30-х годах уже невозможно стало заниматься наукой так, как хотелось, как подсказывала истина, а надо было восхвалять Сталина и писать то, что требовала конъюнктура³⁵. Например, что сделали со школой компаративизма — это же поразительно по своей бессмысленности...

³⁴ Об ОПОЯЗе и в том числе о Викторе Максимовиче Жирмунском (1891–1971), Викторе Борисовиче Шкловском (1893–1984), Романа Осиповиче Якобсоне (1896–1982), Юрии Николаевиче Тынянове (1894–1943) см.: В.М. Жирмунский. Библиографический указатель. М.: «Наука», 1965;); В.М. Жирмунский. Библиографический указатель. Составитель Л.Е. Генкин и др. СПб: Библиотека РАН, 1991; Воспоминания о Ю.Тынянове. Составитель В.А. Каверин. М.: «Советский писатель», 1983; Каверин В.А., Новиков В.И. Новое зрение. Книга о Юрии Тынянове. М.: «Книга», 1988; Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999.

³⁵ Вполне возможно, впрочем, что обращение Тынянова к художественной прозе мотивировалось не столько внешними, политическими, сколько внутренними, творческими причинами: «В отсутствие прямого тыняновского высказывания на этот счет, имеется все же достаточно оснований полагать, что для него история литературы и сама литература занимают смежные и взаимодополняющие ниши» (Вахтель Э. Замечания о взаимоотношении художественных и научных произведений Тынянова // Седьмые Тыняновские чтения. Материалы для обсуждения. Рига, Москва, 1995–1996, с.222–230).

В.Д.: Веселовского³⁶, да?

³⁶ В марте 1948 г. произошла дискуссия о наследии крупнейшего русского литературоведа А.Н. Веселовского (1838–1906), которая завершилась статьей, злобеще озаглавленной «Против буржуазного либерализма в литературоведении». Заслуги выдающегося ученого подвергались сомнению, причем он официально объявлялся «низкопоклонником» Запада. Вслед за этим начался погром «школы Веселовского», быстро переросший во всеобщую борьбу с «космополитизмом». В «космополиты» и «низкопоклонники», к примеру, были зачислены почти все специалисты по зарубежным литературам, особенно те, кто занимался вопросами о влиянии западной литературы на русскую («Культура и жизнь», 11 марта 1948 г, №7, с.3).

В.А.: Не только Веселовского... Любое проявление такой важной интересной научной теории, как компаративизм, у нас было объявлено крамолой. Это же нелепость чудовищная. Так же, как, скажем, истребляли всех ученых, которые занимались арабскими странами или индийскими наречиями... и так далее. Ну ладно. Значит, Тынянов стал беллетристом с большой пользой для читателей, а Брик остался вождем Лефа. Я утверждаю, что вождем Лефа был Брик, а не Маяковский.

В.Д.: А может, Шкловский?

В.А.: Нет, Шкловского они скоро оттуда оттеснили, потому что Шкловский не уважал и не признавал авторитета Лили Юрьевны, а вот этого они не могли претерпеть. Мне Брик даже сказал, когда я его спросил, почему ж они срамят Шкловского, он сказал: «Знаете, он острит так: „Плюнем на лысину дедушки“». А я спросил Шкловского: «За что вы уши, почему?»

Он говорит: «Потому что Лиля на заседаниях говорит глупости, а я не хотел этого терпеть, вот они меня и высадили»³⁷.

³⁷ Шкловский в беседе с Дувакиным 14 июля 1967 г. рассказывал об этом: «Она [Лилия Юрьевна] что-то сказала, и я, не хотя ее обидеть, сказал: “Ты пользуешься правами хозяйки дома”. Она это довольно неправильно поняла, что она “домохозяйка”. Она выступила как верховный жрец. А я сказал, что она хозяйка дома. Очень обиделась» (ОУИ НБ МГУ, ед. хр. 12). Лавинская (Шкловский подтвердил Дувакину: «Так и было»).

Но Брик был человек поразительный. Во-первых, гигантской эрудиции, во-вторых, такой сильной логики, такого ясного ума я редко встречал. Это поразительный человек. Наконец, он был очень творчески силен, он все... придумывает теории³⁸. Я должен сказать, что все то, что там они предлагали, лефовцы, вовсе не означает истину. Это были иногда конъюнктурные соображения, но высокой конъюнктуры, не личной: им нужно было поднять левое свое искусство, левую литературу, бороться с пошлостью, бороться с реакционными теориями прошлого и так далее. И поэтому они и придумывали всегда какие-то тезисы, положения, теории. Иные из них были интересны и остались в жизни, другие отмирали, и когда Борис Леонидович Пастернак пишет, что он не поддерживал этих глупостей, хотя и был членом лефовской группировки³⁹, то я упрекну Пастернака вот каким путем. Дело в том, что у нас официальная религия — диалектика. И я придерживаюсь этой религии. Я считаю, что диалектика действительно великолепно объясняет мир. Но уж тогда давайте ее придерживаться. А у нас получается так: с позиции 67-го года мы критикуем то, что говорилось в 23-м году и говорим, что это — глупости⁴⁰. Но так же можно критиковать и высказывания... и Эвклида или... Архимеда, потому что сейчас Эйнштейн что-то другое сказал, более высокое. Надо же понимать, о каком времени идет речь. И вот в те годы Брик был настоящим вождем (я скажу так, я заметил и тогда, в 20-х годах): если Брик мне сегодня что-нибудь расскажет (какое-нибудь открытие или какой-нибудь тезис, теорию), Маяковский через два месяца будет об этом говорить в Политехническом музее⁴¹. Он был настоящим вождем.

³⁸ Похожую характеристику Брика, человека и ученого, дал в беседе с Дувакиным, состоявшейся несколькими месяцами раньше (в августе того же 1967 г.), известный филолог, этнограф, фольклорист П.Г. Богатырев: «Я считаю, что это необычайно талантливый и... я мало встречал людей, занимавшихся искусством и наукой, которые были бы так... я бы сказал, щедры в своих выводах... в своих положениях... И он просто одно за другим, так сказать, всегда готов был высказать какую-нибудь гипотезу очень интересную, и был рад, есликто-нибудь тут же схватил ее и обрабатывал. Без всяких ссылок на первоисточник. Я просто не знаю почти таких вот людей, которые так бы бескорыстно относились к вот... изобретательству, к своему изобретательству» (ОУ НБ МГУ, ед. хр.19). Ср. также мнение Шкловского по этому поводу: «...у Осипа Максимовича был настоящий талант теоретика литературы. То, что сделал в теории стиха Роман Осипович Якобсон, это то, что сделал Брик. Роман Якобсон признавал. Но Брик никогда не записывал, а разговаривал. Он человек до такой степени инертный и не желающий жить, что он никогда ничего не написал, но он сильно руководил Маяковским и выдумывал идеологию...» (ОУ НБ МГУ, ед. хр.12, <http://oralhistory.ru/talks/orf-12-13>). Однако мнение о необычайной творческой силе Брика разделяется далеко не всеми. Например, В.Т. Шаламов, посещавший заседания кружка «Молодой Леф», отозвался об эрудиции и теоретических новациях Брика весьма иронично: «Занятия» кружка меня поразили. Все вымученно остряли, больше всего насчет конструктивистов. Брик поддакивал каждому. Наконец шум несколько утих, и Брик, развалившись на диване, неторопливо начал: — Сегодня мы собирались поговорить о станковой картине. — Он задумался, поблескивая очками. — Впрочем..., моя жена недавно приехала из Парижа и привезла замечательную пластинку “Прилет Линдберга на аэродром Бурже после перелета через Атлантический океан”. Чудесная пластинка. — Завели патефон. — Слышите? Как море! Это шум толпы. А то мотор загрохотал. Слышите выкрики? А это голос Линдберга. Пластинка, безусловно, заслуживала внимания. В таком роде были и другие занятия “Молодого Лефа” (Шаламов В.Т. Воспоминания. М.: «Олимп», «Астрель», «АСТ», 2001, с.49). Вяч.Вс. Иванов в своих воспоминаниях о Якобсоне также не скрыл явного скепсиса по поводу Брика: «О Бrike [Якобсон] неизменно отзывался как о гении, что не переставало меня удивлять (чтобы удостовериться в степени обоснованности такой оценки, я позднее взял у Лили Юрьевны все, что у нее было из его рукописных ненапечатанных работ и лекций; следов гениальности не нашел» (Иванов Вяч.Вс. Буря над Ньюфаундлендом. Из воспоминаний о Романа Якобсоне // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования, с.220).

³⁹ В своем поспертно опубликованном (незадолго до комментируемой беседы) мемуарном эссе «Люди и положения» Пастернак назвал Леф «кружком отрицателей», склонявшихся к идее, что «искусству нет места в молодом социалистическом государстве или, во всяком случае, в момент его зарождения». То, что создавалось лефовцами, здесь определялось, как «испорченное поправкам, сообразными времени, нетворческое, ремесленное полусукусство»: оно «не стоило затрачиваемых забот и трудов, и им легко было пожертвовать» (см.: «Новый мир», 1967, №1, с.230. Публикация подготовлена Е.Б. Пастернаком). Ср. воспоминание Шаламова о том, как Пастернак говорил ему в беседе 2 января 1954 г.: «Лефовские круги я вспоминаю с отвращением. Пусть переводы, пусть случайная работа — только не это лефотворчество» (Шаламов В.Т. Воспоминания, 334).

⁴⁰ В 1923 г. Пастернак еще, конечно, в основном солидаризировался с тем, «что говорилось» участниками «лефовской группировки», но в 1927 г. он уже присоединился к резкому мнению критика В.П. Полонского о творческих принципах «Нового Лефа». В обращении к Маяковскому, датированном 1 июня 1927 г., Пастернак писал: «Таким, каким Вы получились у Полонского, и должен выйти поэт, если принять к руководству лефовскую эстетику, лефовскую роль на диспуте о Есенине, полемические приемы Лефа, больше же и прежде всего, лефовские художественные перспективы и идеалы. Честь и слава Вам, как поэту, что глупость теоретических положений показана именно на Вас, как на краеугольном, как на очевиднейшем по величине явлении, как на аксиоме <...> Существование Лефа, как и раньше, считаю логической загадкой. Ключом к ней перестаю интересоваться» (Пастернак Б.Л. Собрание сочинений в 5 тт. Т.5. М.: «Художественная литература», 1992, с.210. Многие существенные обстоятельства разрыва Пастернака с Лефом раскрыты в публикации Я.Л.Ф. Кациса — см.: Кацис Л.Ф. Пастернак и Шопен (О второй редакции «Баллады» Б.Пастернака «Бывает, курьером на борзом...») // «Известия РАН (Серия языка и литературы)». 1995. Т.54, №3, с.19–38).

⁴¹ Ср. диаметрально противоположное мнение Б.В. Горнунга, который был в последние годы существования Московского лингвистического кружка (МЛК) его секретарем: «...главное было в афоризмах, бросавшихся мимоходом постоянно бывавшим в МЛК Маяковским. Из каждого такого афоризма Якобсон, Брик и Винокур строили теории, в чем Якобсон позже признавался и в печати» (Горнунг Б.В. [Заклчение] // Горнунг Б.В. Поход времени. Кн.2. Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001, с.369).

И вот характерный очень эпизод. Пришел однажды к нам в гости, ко мне, домой, Брик и говорит: «Володя (то есть Маяковский) написал превосходное четверостишие:

Я хочу быть понят родной страной,

а не буду понят — ну что ж,

над родной страной я пройду стороной

как проходит косой дождь⁴².

⁴² Вариант к стихотворению «Домой» (1925). Цитируется неточно.

Принес мне. Я говорю: „Замечательное стихотворение, но только тебе нельзя его опубликовывать“ — „Почему?“ — „Какой же ты «косой дождь», когда ты всю жизнь наступаешь людям на ноги? Это надо спрятать“. И он спрятал», — сказал мне Брик. А потом выяснилось, что Маяковский не спрятал.

В.Д.: А все-таки напечатал.

В.А.: Напечатал.

В.Д.: Но с примечанием, помните?

В.А.: Нет, примечания не помню.

В.Д.: В стихотворение он это не включил. Стихотворение кончается: «В Союзе республик... пониманье стихов выше довоенной нормы». А есть в Лефе же напечатанная статья, где говорится — «одному из своих неуклюжих (одна из деталей)... одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал такой райский хвостик: „Я хочу быть понят родной страной...“ и так

далее. Несмотря на успех (публика хватается за платки) я эти подмоченные водичкой райские перышки вырвал⁴³. Значит, он вроде как бы и вырвал — в стихотворение включил...

⁴³ Цитата из статьи Маяковского «Письмо Равича и к Равичу» цитируется с некоторыми неточностями. Л.О. Равич (1909–1957) — поэт и очеркист.

В.А.: И опубликовал.

В.Д.: ...и все-таки опубликовал.

В.А.: Ну вот это, значит, Брик мне рассказал. Я не знал даже, что он опубликовал.

В.Д.: Это в «Новом Лефе», в комплекте «Нового Лефа», можно поискать⁴⁴.

⁴⁴ См.: «Новый Леф», 1928, №6, с.10–14, особенно 14.

(Перерыв в записи.)

В.Д.: Пожалуйста, Виктор Ефимович.

В.А.: Брик отличался, я бы сказал, гипертрофией логики в ущерб эмоциональной стороне нормальной человеческой личности. Он, например, совершенно не переносил проявлений чего-либо национального. Я помню, когда-то мы сидели в ресторане, за соседним столом пировали грузины, у него было лицо страдающее. «В чем дело?» — «Терпеть не могу вот всех этих национальных особенностей всяких». Кроме того, в его отношении с женою очень интересно... Рассказывал мне Левидов Михаил Юльевич — журналист, драматург, интересный человек, убитый в начале 41 года⁴⁵ — почему-то его признали опасным, когда начнется война. Его арестовали 22 июня 41-го года, а потом убили в лагерях. Так вот, Брик рассказывал, что однажды, еще в Петербурге, поссорился Брик со своей супругой — Лиля Юрьевна ушла из дома, рассердившись, вернулась поздно, пьяная, и сказала ему: «Так как я на тебя рассердилась, то я пошла вот... гулять, а там ко мне привязался какой-то офицер, я с ним пошла в ресторан, в отдельный кабинет, я ему отдалась. Вот, что теперь делать?» Он сказал: «Прежде всего принять ванну».

⁴⁵ М.Ю. Левидов (1891–1942) погиб в заключении в 1942 г. О его своеобразной и яркой личности («талантливый лентяй», «прирожденный спорщик» и т. д.) рассказывает в своих мемуарах Э.Л. Миндлин (см.: Миндлин Э.Л. Необыкновенные собеседники..., с.142–143, 239–242): «Невозможно себе представить какой-либо московский диспут тридцатых годов без участия Михаила Левидова. Далеко не всегда и далеко не все соглашались с ним. Но никогда не было скучно слушать его» (там же, с.241).

В.Д.: А все-таки это страшно.

В.А.: Вот он такой был всегда.

В.Д.: Причем это без наигрыша.

В.А.: Да нет, это точно...

В.Д.: Это, естественно, нет, это точно, я это слышал уже⁴⁶...

⁴⁶ Этот же эпизод за несколько месяцев до этого рассказал Дувакину и Шкловский: «Он [Брик] был циник. Когда она пришла и сказала: "Вот, я только что изменила". Он сказал: "Прими ванну"» (ОУ НБ МГУ, ed. xp.12, <http://oralhistory.ru/talks/orh-67-68>).

В.А.: Дело в том, что он был эмоциональным уродом, я бы сказал, а логика разрослась необыкновенно. С ним очень интересно было говорить, он интересные делал сопоставления, выводы, параллели. Например, он любил говорить: «Наша семья (то есть Маяковский, Лиля Юрьевна и он) похожа на семью Панаевой — Некрасова»⁴⁷. Он сам говорил об этой параллели. Он говорил: «Володя похож на Некрасова: такой же азартный, удачливый игрок, такой же вот — поэт, такой же широкий человек и прочее...» Я должен сказать, что...

⁴⁷ Авдотья Яковлевна Панаева (псевдоним Н. Станицкий, 1819–1893), писательница, соавтор Н.А. Некрасова, Панаева, Д.В. Григоровича и др. В 1837 г. вышла замуж за писателя И.И. Панаева, в середине 1840-х гг. стала гражданской женой Н.А. Некрасова, позднее была замужем за А.Ф. Головачевым. См. о ней: Чуковский К.И. Жена поэта (Авдотья Яковлевна Панаева). Пг: «Эпоха», 1922; Черняк Я.З. Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве [Дело Огарева — Панаевой]. М.-Л.: «Academia», 1933 (последнее издание: Черняк Я.З. Спор об огаревских деньгах. [Дело Огарева — Панаевой]. М.: «Захаров», 2004). Саша Репин не без иронии писал по этому поводу в журнале «На Невском»: «Лично мне Николай Алексеевич бесконечно дорог тем, что еще в середине XIX века предвосхитил, так сказать, шведскую семью, поскольку, издавая "Современник", он жил прилепавши в одной квартире и со своим закадычным другом и соиздателем Панаевым, и с его женой, которая параллельно являлась гражданской женой Некрасова. Любовь втроем — не вздохи на скамейке, как написал бы душечипательный советский поэт Степан Щипачев» (Репин С. Что делать? Некрасов виноват! // «На Невском»).

В.Д.: Маяковскому-то, наверное, вот это эмоциональное уродство все-таки было, наверное... все-таки было очень трудно... Маяковский ведь совсем другого типа — как раз противоположного...

В.А.: Видите, я не буду сейчас говорить о взаимоотношениях Маяковского с Лилей Юрьевной, потому что недостаточно я просто это дело знаю и это уже другая тема — там было много патологического и странного... Ну, кое-что мы в стихах находим, а кое-что и без стихов...

В.Д.: Ну вот Осип Максимович, которого вы так как-то все-таки хорошо знали...

В.А.: Хорошо.

В.Д.: ...и хорошо к нему относились... Ну у него, собственно... к собственной жене, к Лиле Юрьевне... Ведь все-таки вот эта фраза, которую вы передаете, она все-таки какой-то такой, действительно, почти патологический его цинизм⁴⁸...

⁴⁸ Ср. еще одну констатацию цинизма как особенности поколения, к которому принадлежал Брик: «Якобсон свернул на своих любимых братьев Маркс. Описывая нам сценку в их фильме, в которой один из братьев наступал на ногу женщине, Якобсон комментировал с воодушевлением: "C'est le cinisme mème!" Я подумал, что нас разделяют поколения. Это я особенно ощущал, когда Якобсон начинал восхищаться Осипом Бриком. Цинизм как таковой мое поколение не занимал несколько, его вульгарные формы были опасной идеологией советского режима и уже поэтому отталкивали» (Иванов Вяч.Вс. Буря над Ньюфаундлендом. Из воспоминаний о Романе Якобсоне).

В.А.: Цинизма не было, с его стороны. Это иногда встречающееся равнодушие такого типа — эмоциональное. Я знаю еще двух — трех людей, у которых полностью отсутствует ревность и желание быть, как бы сказать, монополистом в любви и браке. А что касается Лили Юрьевны, то у ней был очень большой темперамент, крутой, с одной стороны, с другой стороны

— сильная воля. Она, действительно, управляла в этом доме, и не только Бриком и Маяковским, а и теми проходящими своими любовниками, которых было очень много. Она часто влюблялась. Например, она была замужем за Краснощекковым, в прошлом председателем совета министров Дальневосточной республики буферной, а впоследствии — председателем правления Промбанка⁴⁹. Именно с ней находясь в связи, Краснощекков так нарушал этические нормы члена партии, что из него сделали подсудимого по показательному процессу о разложениях во время нэпа, и ему дали несколько лет тюрьмы⁵⁰. Он сидел в Сокольниковской тюрьме, а Лиля Юрьевна переехала с Бриком и с Маяковским поближе к нему, в Сокольники⁵¹.

⁴⁹ Александр Михайлович Краснощекков (наст. имя Абрам Моисеевич Краснощек, по другим данным, Тобинзон, 1880–1937) был профессиональным революционером, долго жил в эмиграции, окончил в США факультет экономики и права Чикагского университета, стал преуспевающим адвокатом, открыл там же в Чикаго Рабочий университет. После революции вернулся в Россию, на рубеже 1910—1920-х гг. возглавлял правительство и министерство иностранных дел Дальневосточной Республики (ДВР). С 1921 года заместитель наркома финансов РСФСР, в 1922–1923 гг. председатель правления Промбанка СССР. Репрессирован; реабилитирован посмертно.

⁵⁰ Краснощекков был арестован 19 сентября 1923 г. После этого (3 октября) в «Правде» и в «Известиях» выступил с разъяснениями нарком рабоче-крестьянской инспекции В.В. Куйбышев, заявив, что председатель Промбанка «использовал доверенные ему средства для личного обогащения и обогащения своих родственников, для безобразных кутежей». Сам Краснощекков на суде утверждал, что он выдал деньги своему брату, инженеру-строителю Якову Краснощеккову, который построил на них здание Центрального телеграфа на Тверской. По словам Т. Кравченко, «вряд ли обвинения были совсем уж беспочвенны: Лиля Юрьевна — женщина дорогая, машины и шубы любила, да и сам Краснощекков привык жить широко. Но <...> в Лефортовском изоляторе бывший глава Промбанка переводил стихи Уитмена и параллельно работал над книгой “Современный американский банк” (вполне достойной переиздания и сегодня)...» (Т.Кравченко Русская классика // «Политический журнал», 2004, №25, с.78). Краснощекков был приговорен к шести годам тюрьмы, но отсидел только год и был отпущен (см.: Янгфельдт Б. Любовь — это сердце всего. В.В. Маяковский и Л.Ю. Брик. Переписка. 1915–1930. М.: «Книга», 1991, с.30, 218–219, 227; см. также: Золотоносов М. Дело Краснощеккова живет и побеждает («Независимая газета», 1994, 2 июля, № 123, с.8).

⁵¹ Как уже отмечалось (см. предыдущее примечание), Краснощекков сидел не в Сокольниках, а в Лефортовском изоляторе.

В.Д.: Ах, вот с чем связано!..

В.А.: Да. На эту тему написана пьеса Ромашова «Воздушный пирог»⁵²; и там, значит, Лиля Брик называется Рита Грин⁵³, по моему, и Осип Максимович мне сказал, что ему Лиля Юрьевна сказала: «Знаешь, Ося, вот идет пьеса „Воздушный пирог“, там про нас что-то нехорошо сказано»⁵⁴. Потом последним ее мужем был Примаков — комкор во время войны — полководец⁵⁵...

⁵² Драматург Борис Сергеевич Ромашов (1895–1958) кроме сатирической комедии «Воздушный пирог» (1925) был автором пьес «Огненный мост», «Конец Криворыльска» и т.д. Лауреат Государственной премии СССР (1948). Признавая, что толчком к созданию комедии «Воздушный пирог» послужил процесс Краснощеккова, Ромашов в то же время отмечал: «тут есть целый ряд несоответствий <...> Я не собирался инсценировать этот процесс» (Ромашов Б.С. Вместе с вами. Биографически-документальные материалы писателя. / Составление и комментарии А.А. Ромашовой. М.: Всероссийское театральное общество, 1964, с.237).

⁵³ Героиню «Воздушного пирога» зовут Рита Керн.

⁵⁴ Вот как Ромашов характеризовал Риту Керн, объясняя актерам, «как он видит действующих лиц комедии»: «очень элегантная, красивая особа <...> В нее можно влюбиться, хотя это насквозь прожженная огнем беспорядочной жизни и любовных утех женщина. Капризна и избалована <...> Это своеобразная гетера, которая, пользуясь случаем, делает себе карьеру; она цинична и даже, может быть, к чему-нибудь приспособлена благодаря внешним данным, но по существу глубоко отрицательное явление, паразитическая особа, пахнущая фиалками и способная вскружить голову стройной фигурой и красивым, томным лицом» (там же, с.255).

⁵⁵ О жизни Брик с Виталием Марковичем Примаковым (1897–1937) см.: Катанян В.В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины. М.: «Захаров-АСТ», 1998, с.104–106; Ваксберг А.И. Загадка и магия Лили Брик. М.: «Олимп»: АСТ: «Астрель», 2005, с.277–312.

В.Д.: Ну, это уже после смерти Маяковского.

В.А.: После смерти. Комкор. Его арестовали в 37-м году, когда убивали всех генералов. Были еще... как говорится, ряд других товарищей. Но это ее дело. Она была очень крутого темперамента, такая вырвавшаяся на свободу амазонка или Екатерина II — это уже меня и нас с вами не может особенно интересовать, только в той мере, в какой это отражалось на быте Маяковского. Но Маяковский очень скоро к ней охладел...

В.Д.: Вы так считаете?

В.А.: «Вот и любви пришел каюк, дорогой Владим Владимыч...». Это «Разговоры с Пушкиным».

В.Д.: Да, 24-й год.

В.А.: Ну вот, видите, а она в это время жила аккурат с Краснощекковым.

В.Д.: Но все-таки, как...

В.А.: Она ему подставляла молодых девушек порой с таким расчетом, чтобы они интеллектуально были не слишком сильны и не могли бы, так сказать, совсем его отвлечь от ее дома.

В.Д.: А почему... из каких соображений, вы считаете, она не хотела отвлечения от дома?

В.А.: Видите, какая штука, тот факт, что великий поэт находится у ней в услужении, она оценивала ясно и точно, тут же не могло быть никаких двух мнений, ей нравилось, что Маяковский — член их семейства, этого странного. Однажды я спросил Осипа Максимовича, были вы на этой премьере в театре? Он сказал: «От нашей семьи была Лиля». А однажды он мне сказал: «Хороший вы написали фельетон». — «Вам нравится?» Он сказал: «Мне не очень, но Лиля говорит, это очень хороший фельетон». И так было.

В.Д.: Это кто сказал? Осип Брик?

В.А.: Брик. И Владим Владимыч тоже относился к ней почтительно. Это она умела сделать.

В.Д.: Или, может, тут... материальные соображения?

В.А.: Я должен вам сказать... Нет, у нее были и материальные... не только материальные соображения, но и самый факт — такой значительный человек, она им, так сказать... над ним властвует...

В.Д.: Так вы считали, что... у вас впечатление, что она не любила его?

В.А.: Может быть, был период... Но уже когда я познакомился, все это было в прошлом, он был только привязан. Ну как

Тургенев к Виардо.

Я должен вам сказать, что Маяковский при всей своей вот этой внешности и громахающей поэзии был... человек женского склада, как Тургенев же.

Он... когда он влюблялся, его интересовали какие-то такие... мазохические элементы, это легко усвоить из всех его лирических поэм.

В.Д.: То есть в смысле страдания?

В.А.: Да, страдания. Ему нравились больше...

В.Д.: Страдание больше наслаждения?

В.А.: Да-да! ...властные женщины, даже с Вероникой Витольдовной Полонской, которая совсем другого склада женщина... Я с ней очень хорошо знаком, потому что Вероника Витольдовна — близкий друг моей жены — Нины Антоновны Ольшевской⁵⁶, да и я сам с ней в отличных отношениях. Так что, например, она мне давала редактировать свои воспоминания о Маяковском, которые депонированы в Музее Маяковского⁵⁷. И даже в отношении с нею он любил быть страдающим. Но там был другой повод: она была замужем. Кстати, по версии Полонской, которая была в квартире Маяковского в 9 утра 14 апреля... Вы читали? Знаете, как это произошло?.. Он последний раз сказал ей, чтобы она бросила своего мужа, бросила театр и осталась у него навсегда.

⁵⁶ Н.А. Ольшевская (1908–1991) и В.В. Полонская (1908–1994) вместе учились в актерской школе МХАТ.

⁵⁷ 24 августа 1938 г. Полонская прочитала Ардову свои воспоминания о Маяковском, предложив их отредактировать. На следующий день Ардов «взялся за перо, чтобы со своей стороны попытаться описать, что такое представляет собою Вероника Витольдовна Полонская, сыгравшая такую роль в жизни великого (теперь уже это — ясно) поэта» (запись его впечатлений от мемуаров Полонской, а также размышлений о ней хранится в Государственном музее В.В. Маяковского и недавно была опубликована — см.: «В том, что умираю, не вините никого»?. Следственное дело В.В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников. / Вступительная статья, составление, подготовка текста, комментарии С.Е. Стрижневой. М.: «Эллис Лак 2000», 2005, с.528–534). Между прочим, Шкловский говорил Дувакину: «мемуары Полонской написаны в сообществе с Ардовым» (ОУ НБ МГУ, ед. хр.12, <http://oralhistory.ru/talks/orh-12-13>).

Она отказалась, закрыла дверь, стала одевать в передней ботики — торопилась на репетицию — услышала выстрел, она открыла дверь в эту комнату — он еще падал... просто лицом на дверь...

Она позвонила по телефону в скорую помощь, сообщила адрес и сама упала в обморок. Но это все у нее там написано...

В.Д.: Да, там есть⁵⁸.

⁵⁸ Текст воспоминаний Полонской см.: там же, с.475–523 (ранее печатался, с сокращениями, в журнале «Вопросы литературы» (1987, №5, с.144–198; см. также: Черток С.М. Последняя любовь Маяковского. С присоединением воспоминаний В.В. Полонской. Ann Arbor: «Эрмитаж», 1983). Через несколько месяцев после первой беседы с Ардовым (в марте-мае 1968 г.) Дувакин провел пять бесед с Полонской. Записи хранятся в ОУИ НБ МГУ (ед. хр. №№ 38–43, 48–49).

В.А.: Но вернемся к Брику. Брик был настоящим литературным вождем. В 26-м году мы были всей компанией в так называемом... кружке — был в Москве такой Кружок художественной интеллигенции — потомок... Брюсовского кружка. Брюсовский кружок художественной интеллигенции — дореволюционный, был на улице Пушкина, 15, где теперь союзная прокуратура. А этот кружок, возникший во время нэпа, он менял несколько адресов: сперва он был напротив театра бывшего Корша на улице Москвина — Богословский переулок, потом он переехал на улицу Горького... дом 10, что ли, рядом с гостиницей ныне «Центральной» (в прошлом «Люкс»). Это сейчас там зал поэзии. Мы были как раз тогда вот в зале поэзии. Потом он переехал в подвал в Воротниковском переулке.

В.Д.: Старопименовский!

В.А.: Старопименовский переулок и Воротниковский — с двух сторон можно зайти было. Так мы-то были еще на улице Горького, и... в 26-м году. И там при мне Вольпин спросил Брика: «А что вы так строго держите ваших поэтов?» Там — Асеева, Кирсанова, Незнамова, Маяковского... Брик ответил (это я сам слышал), он сказал: «Если их не держать строго, то они, как Есенин, все покончат с собой».

О причинах самоубийства Маяковского

В.Д.: Это что ж, задолго до смерти Маяковского?

В.А.: Ну, 26-й год, а он умер в 30-м. Причем я... меня часто спрашивают, почему Маяковский покончил с собой. Это, вы знаете, очень интересует обывателей. Есть один даже подлец, который написал плохую пьесу об этом. Она называлась «Пришедший в завтра» или там еще. Липовский — фамилия.

В.Д.: О Господи, это подонок.

В.А.: Это отвратительное, безобразное произведение, которое мне удалось сильно раскритиковать на заседании коллегии Министерства культуры СССР у Фурцевой⁵⁹, так после чего сняли эту вещь с репертуара в Театре эстрады⁶⁰. Сама идея — в Театр эстрады показывать это... Так вот я должен вам сказать, что, когда меня спрашивают, почему покончил с собой Маяковский, я говорю — у него было пять причин, которые сошлись вместе, из которых каждая одна достаточна для самоубийства. Первая причина — полный творческий крах, потому что вот он все писал: советская власть — хорошо, хорошо, а тут началась первая пятилетка — время, о котором Сталин сказал, что даже вожди партии колебались в те годы. И я

помню, на открытии ЦДРИ в том же подвале, в Пименовском, Маяковского мы попросили выступить, он выступал, читал первое вступление в поэму (у меня есть, кстати, рассказ об этом, я вам его отдам⁶¹), и там глупый Гальперин Михаил⁶² сказал: «Владимир Владимирович, прочитайте, пожалуйста, „Хорошо!“».

⁵⁹ Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974), была министром культуры СССР в 1960–1974 гг. См. о ней: Таранов Е.В. Первая дама Москвы (Штрихи к политическому портрету Е.А. Фурцевой) // «Кентавр», 1992, №11–12, с.78–96; 1993, №1, с.100–109; Корнеева Н.А. Екатерина Фурцева. Политическая мелодрама. М.: «Алгоритм», 2007.

⁶⁰ Впрочем, по поводу данной пьесы Александра Липовского сохранились и более позитивные суждения. О спектакле «Пришедший в завтра», поставленном в Московском театре эстрады в 1962–1963 гг., его режиссер, И.Г. Шароев, вспоминал: «В спектакле-диспуте была возможность построить действие на споре, на столкновении различных точек зрения, на постоянном напряжении <...> Происходившее на сцене должно было дополняться реакцией актеров, размещенных в различных местах зрительного зала, акробатикой под самым потолком-куполом, демонстрацией полиэкранного кино несколькими проекторами <...> Кинодействие переносилось с экрана на экран, продолжалось на сцене, возвращалось на экраны» (Шароев И.Г. Многоликая эстрада. За кулисами кремлевских концертов. М.: «Вагриус», 1995, с.65–66).

⁶¹ Рассказ «Вечер Маяковского» напечатан в книге «Этюды к портретам» (с.31–40; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные..., с.43–53).

⁶² Михаил Петрович Гальперин (1882—1944) в начале 1920-х гг. вместе с О. Леонидовым и В. Федоровым входил в группу узатов-неоклассиков.

Маяковский сказал: «Я не буду читать „Хорошо!“, потому что сейчас нехорошо».

Вот это...

В.Д.: Это точно?

В.А.: Я отвечаю за каждое слово.

В.Д.: Вы сами слышали?

В.А.: Да, это было в феврале месяце.

В.Д.: Понятно.

В.А.: 27-го февраля, по-моему. Вот тут, дату я могу спутать. Он сказал: «Нехорошо». Было же непонятно: он все хвалил, а тут — карточки, арестовывают вождей революции и так далее. Это первое. Вторая причина — полное отсутствие признания со стороны правительства⁶³. Пошляку Собинову дали орден⁶⁴, а на юбилей Маяковского не только никто не пришел, не только не было никакой награды, но даже по распоряжению Артемия Халатова — глупого армянина, который возглавлял Гослитиздат, нет, Госиздат весь⁶⁵, вырезали портрет Маяковского из журнала «Печать и революция». Третье — значит, Татьяна Яковлева, которую он любил, дочка художника Яковлева в Париже отказалась выйти за него замуж. Она вышла замуж, как я слышал, за сэра Генри Детердинга⁶⁶, а может, это вранье, но не важно, она отказалась за него...

⁶³ Ср. слова М.Д. Вольпина о Маяковском во второй беседе с Дувакиным: «...он — очень нуждался, по-моему — в каком-то необыкновенном внимании, даже в почитании: может быть, даже орден, вообще, ему бы понравился, я не знаю, со стороны правительства внимание, со стороны людей, близких к нему, и какое-то вообще доказательство, что он должен, может жить и что он делает великолепные вещи; во всем этом уже появлялись какие-то сомнения».

⁶⁴ Назвать Леонида Витальевича Собинова (1872–1934) «пошляком», может быть, чересчур смело. Он был награжден Орденом Трудового Красного Знамени в 1933 г. в связи с 35-летием сценической деятельности.

⁶⁵ Артемий Багратович Халатов (1896–1937) возглавлял правление Государственного издательства в 1928–1932 гг.

⁶⁶ Татьяна Яковлева вышла замуж 23 декабря 1929 г. за виконта Бертрана дю Плесси. Когда в 1940 г. французы были разгромлены немцами, дю Плесси погиб, а она с дочерью бежала из Парижа сначала на юг Франции и затем, в 1941-м, в Америку. Через некоторое время Татьяна Алексеевна вышла замуж за Алекса Либермана, который станет с годами издателем целой сети глянцевого американских журналов и модным скульптором (см. беседу В.В. Радзишевского с дочерью Яковлевой, известной американской журналисткой Франсин дю Плесси // «Литературная газета», №7 (5822), 20 февраля 2001 г. См. также дневниковые записи Г.А. Боровика о его встрече с Т.А. Яковлевой // Катанян В.А. Распечатанная бутылка. Нижний Новгород: «ДЕКОМ», 1999, с.305–308).

В.Д.: Нет, нет... она прислала...

В.А.: И последняя точка была Полонская, она тоже отказалась выйти за него замуж. Кроме того провал «Бани», кроме того Бриков не было в Москве, они были за границей, и он был совсем один. Теперь — у него был еще грипп. Он очень плохо себя чувствовал, и вот все это вместе на него навалилось. Есть фотография: Осип Максимович и Лиля Юрьевна у гроба Маяковского. Лиля плачет, а у Осипа Максимовича выражение лица брезгливое. С его точки зрения, это вот то, чего он боялся и что он считал абсолютно алогичным, произошло.

Теперь, я должен вам сказать, что, ведь... повторяю, нельзя рассматривать теории Лефа с сегодняшнего дня — они, конечно, лишены смысла. А в то время, так же как во многих других областях, были какие-то гипотезы, поиски, и в этом свете это было очень важно, нужно, интересно. Я считаю, что правительство допустило большую ошибку, проморгавши Маяковского. Сталин это тоже понял, поэтому в 35-м, когда Лиля Юрьевна и Осип Максимович написали ему письмо, что вот Маяковского замалчивают, он наложил свою знаменитую резолюцию⁶⁷.

В.Д.: Да-да.

В.А.: А я в 35-м году приехал в Ленинград. Лиля Юрьевна жила тогда с Примаковым в квартире заместителя командующего Ленинградским военным округом. Он был там. Позвонил им, они говорят: «Ардик, приходите, есть интересные новости».

⁶⁷ Текст письма Брик к Сталину и резолюции Сталина см.: «В том, что умираю, не вините никого?.. Следственное дело В.В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников...», с.317–323. См. также: Катанян В.В. Лиля Брик, Владимир Маяковский и другие мужчины..., с.104–106.

Я пришел, они мне рассказали об этой резолюции и я сказал (они это потом повторяли): «Я попрошу дать мне справку, что я любил Маяковского до этой резолюции».

В.Д.: Вы сказали?

В.А.: Да. И это они потом всем рассказывали. А кроме того, еще было очень интересно... Я сказал: «А что же вы попросили у правительства, когда вам сказали, что вот нужны ваши предложения?» Они сказали, мы там... собрание сочинений с большим тиражом, увековеченье такое-то и — переименовать в Москве Триумфальную площадь в площадь Маяковского. Я спросил Брика: «Почему Триумфальную?» И он ответил, я вам сейчас даже симитирую его голос, потому что я когда-то это делал. Он — знаете, так! — он ответил так профессионально, как будто он имел дело с переименованием площадей лет 15. Он сказал: «Остальные хорошие площади уже разобраны». Но вы знаете, как привилось название.

Это дурацкое иностранное слово — Триумфальная — народ не мог произносить, ведь говорили Трухмальная площадь, Трухмальные ворота...

В.Д.: Да-да-да...

В.А.: И «Маяковского» прижилось сразу — очевидно, как будто нужно было.

Об отношениях с Маяковским

Теперь, я должен сказать, что я с Маяковским всегда сохранял дистанцию: уж очень я его любил, уважал, но все-таки иногда я бывал там на квартире у Бриков — в Гендриковом переулке, теперь переулочек Маяковского. А однажды он был в гостях у меня: это было в Ленинграде, в 27-м году: он приехал выступать в Ленинград и после вечера в «Капелле» я зашел за ним, и мы пошли к нам (а жил я на Семеновской улице, ныне улица Белинского, по-моему), да... у Семеновского моста — эта улица выходит на Литейный, аккуратно против дома, где жил Некрасов. Мы занимали квартиру, снимали у хозяйки большой зал с пошлой мебелью — золотой — и несколько комнат; в одной комнате жил я с женой — Ириной Константиновной — с первой женой, которая вот тоже дружила с Бриком; потом там жил режиссер Давид Григорьевич Гутман. Это создатель Московского театра сатиры, Ленинградского театра сатиры — человек очень интересный и своеобразный⁶⁸. И там же жил Николай Павлович Смирнов-Сокольский, который гастролировал в Театре сатиры⁶⁹. Я был завлитом Ленинградского театра сатиры, Гутман — главным режиссером, а Сокольский у нас гастролировал, был аттракционом, так сказать, программы. Сокольский обожал Маяковского, хотя в каждом фельетоне всегда говорил про него какие-нибудь гадости публике.

⁶⁸ Давид Григорьевич Гутман (1884–1946) не раз выступал как соавтор Ардова (и других писателей: В.Я. Типота, А.М. Арго, Н.А. Адуева...) в написании вострадно-сатирических обзоров — см. эти тексты в РГАЛИ: ф.656, оп.1, д.132; ф.2897, оп.1, д.6, 7, 8, 9 и т.д. Сергей Герасимов в своих воспоминаниях о Ю.К. Олеше называет Гутмана «блестящим человеком своего театрального времени, доверху наполненным удивительными рассказами, воспоминаниями, шутками» (см.: Воспоминания о Юрии Олеше. М.: «Советский писатель», 1975, с.103).

⁶⁹ Знаменитый конферансье и фельетонист Н.П. Смирнов-Сокольский (наст. фамилия Смирнов, 1898–1962) в октябре 1927 г. участвовал в обзоре «Бревно в глазу», которым открывался второй сезон Ленинградского театра сатиры (см. составленную С.Д. Дрейденем документальную хронику «Н.П. Смирнов-Сокольский. Дела и дни»: Смирнов-Сокольский Н.П. Сорок пять лет на эстраде. Фельетоны, статьи, выступления. М.: «Искусство», 1978, с.332).

В.Д.: Это Сокольский... что — Смирнов-Сокольский?

В.А.: Да-да, Смирнов-Сокольский. Он его обожал совершенно. Я даже скажу, что Смирнов-Сокольский — какая-то приближенная и уменьшенная копия Маяковского: он тоже неврастеник, тоже одаренный человек, но он был принципиальный, так сказать, оппортунист, и человек... не всегда принципиальный, но очень талантливый, интересный, умный, остроумный и прочее. Маяковского, повторяю, он обожал, но всегда говорил про него в своих монологах какие-нибудь едкие шутки⁷⁰. Но говорил об этом Сокольский так: «Ведь я считаю, что это только реклама». Вот, например, у нас балетмейстер Голейзовский. Я про него тоже говорил разные гадости — публика смеялась. Когда я однажды сказал — публика не засмеялась, я понял, что Голейзовский кончился. Его популярность исчезла, значит, он для меня не товар⁷¹.

⁷⁰ Смирнов-Сокольский писал по этому поводу: «Для эстрадного фельетониста имя Маяковского тогда было неистощимой “злойбой дня”, и он, зная, что я частенько упоминаю его в своих выступлениях, не в пример многим другим, столь же знаменитым товарищам, не обращал на это ровно никакого внимания и лишь иногда, встречаясь где-нибудь, говорил: — Питаюсь мной, как червь яблочком...» (Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. Изд. 2-ое. М.: «Книга», 1977, с.33).

⁷¹ Знаменитый танцовщик и хореограф-новатор Касьян Ярославич Голейзовский (1892–1970) как раз в 1927 г. потерпел провал с постановкой в Большом театре балета «Смерч» на музыку Б.Б. Бера и вынужден был уйти в Московский мюзик-холл (Смирнов-Сокольский активно участвовал в деятельности мюзик-холла: видимо, поэтому он и говорит: «у нас балетмейстер Голейзовский»). Голейзовский продолжал ставить спектакли и программы на сценах многих театров, мюзик-холлов и концертных залов; в 1960-е гг. он вновь, и очень успешно, осуществил балетные постановки в Большом театре (см.: К.Я. Голейзовский: Жизнь и творчество. Статьи, воспоминания, документы. Составители В.П. Васильева и Н.Ю. Чернова. М.: Всероссийское театральное общество, 1984; Суриц Е.Я. Хореографическое искусство двадцатых годов. Тенденции развития. М.: «Искусство», 1979, с.154–220, Теидер В.А. Касян Голейзовский. «Иосиф Прекрасный». М.: «Флинта», «Наука», 2001; и т.д.). Но его популярность среди зрителей, особенно в провинции, всегда была не очень широка (см. об этом: Chernova N. Kasian Goleizovsky and Eccentric Dance // «Experiment/Эксперимент. A Journal of Russian Culture», 1996. Vol.2 (Moto-bio — The Russian Art of Movement: Dance, Gesture and Gymnastics, 1910–1930), pp.398–399). Помощники и последователи Дувакина в начале 1980-х годов году записали несколько бесед о Голейзовском, его жизни и творческой манере (с балеринами: В.П. Васильевой (Голейзовской), (Отдел устной истории Научной библиотеки МГУ, ед. хр. №829), Стручковой Р.С. (№950), Чарноцкой И.А., (№760), артистом балета Ларионовым А.И. (№772) и др.).

И когда Маяковский к нам пришел, то Смирнов-Сокольский в особенности старался о хорошем угощении. Мы сидели, ужинали, и Маяковский понял, что все люди его здесь любят и ценят. Он был добрый, веселый и даже сказал: «Ну что же вы, вина-то мало, а ведь гость у вас важный...» — сказал он; причем он сказал слово «важный» как итог того, что он заметил с нашей стороны. Потом вдруг после ужина Владимир Владимирович сказал: «Давайте играть», — и был, знаете, таким вот душой общества — какие-то салонные игры придумывал: например, положить несколько предметов на стол, посмотреть минуту и потом вспомнить, что там лежит и еще что-то. Вечер был очень добрый, и Маяковский был очень веселый⁷².

⁷² Об этом вечере Ардов написал в своей книге «Этюды к портретам» (с.21–24; см. также: Ардов В.Е. Великие и смешные... с.32–36).

В.Д.: Ну а в таких случаях — так, рассказчиком бывал, рассказывал что-нибудь, нет?

В.А.: Острил... Острил...

В.Д.: Тем более, что... вы сами все были...

В.А.: Да, все время шел такой остроумный разговор всеобщий⁷³. А он и не претендовал на то, чтобы занимать общество.

Потом, в эту же квартиру, мы привели через некоторое время Алексея Николаевича Толстого. Вот тот, значит, вел себя как гастролер...

⁷³ Некоторые детали этого разговора (в котором, кроме Ардова, Гутмана и Маяковского, участвовали Л.В. Никулин, Валентин Стенич и кто-то еще) приводит Смирнов-Сокольский в своих «Рассказах о книгах». Преимущественно обсуждалась сделанная Смирновым-Сокольским покупка значительной коллекции альманахов и сборников XVIII и XIX столетий; в основном все, включая Маяковского, подтрунивали над пылким библиофилом. Но, когда все стали расходиться, Маяковский пошел к Смирнову-Сокольскому и всю ночь провел за чтением раритетных изданий (Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах..., с.34–37).

В.Д.: Барин...

В.А.: ... Рассказывал... Не барин, нет — как гастролер: он рассказывал какие-то там эпизоды из своей жизни, причем видно было, что отработанные рассказы, что он ими угощает в любом обществе. А Владимир Владимирович был добрый, веселый и прочее...

В.Д.: Непосредственный?

В.А.: Непосредственный. Помню, я раз пришел в Гендриков переулок к Брику, а там читал стихи... в столовой, она же — гостиная, общая комната одна у них была (она и сейчас сохранилась; когда-то она нам казалась такой красивой, нарядной, а сейчас мы видим — это нищета 20-х годов: какие-то половички, деревянные скамеечки, жалкий буфетик...), вот в этой комнате сидела Лиля Юрьевна, еще какие-то дамы, Кирсанов читал свои стихи⁷⁴. А Владимир Владимирович стоял в дверях своей комнаты (она выходила в эту столовую) и слушал с иронической улыбкой, жуя папиросу, как всегда. А я прошел к Брику и вскоре ушел. А потом Кирсанов мне рассказал (про этот ли день, про другой), что он читал стихи, все были в восторге, все хвалили, а Маяковский сказал: «Прекрасные стихи, Сема, зайдем ко мне, я вам скажу, тут кое-где надо исправить только». Кирсанов говорит: «Я такой довольный, одушевленный похвалами, вошел в комнату к Маяковскому, он закрыл дверь и сказал: „Стихи — дерьмо, у вас штаны расстегнуты, застегните“». Это мне рассказывал сам Кирсанов.

⁷⁴ Как молодой Семен Исаакович Кирсанов (1906–1972) читал свои стихи, колоритно описано В.А. Катаняном: «Я как-то привык всегда видеть себя самым младшим в компании. Но этот мальчик, который с такой удивительной энергией выкрикивал стихи, размахивал руками, жужжал, трубил, мычал, щелкал, подпевал, был еще моложе меня» (Катанян В.А. Распечатанная бутылка. Нижний Новгород: «ДЕКОМ», 1999, с.53).

В.Д.: Сам Кирсанов? Интересно. Вот его бы надо записать⁷⁵.

⁷⁵ Кирсанов записан не был.

В.А.: Конечно, обязательно! Обязательно. Смирнов-Сокольский имел оранжевый «паркер» — один из первых образцов, большой, толстый — паркеровскую ручку, на которой была прибита металлическая дощечка, а на ней выгравировано: «Смирнову-Сокольскому от Демьяна Бедного». Ну, и он показал Демьяну, то есть Маяковскому, показал эту ручку и сказал: «А у вас такой нет, Владимир Владимирович?» Маяковский ответил: «А мне кто надпишет, ведь Шекспир умер». Ну, это известно⁷⁶. (Пауза.)

⁷⁶ Об этом эпизоде, который произошел на упоминавшейся выше вечеринке у Ардова с Гутманом, рассказывается в «Рассказах о книгах» Смирнова-Сокольского (Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах..., с.34).

Работа в сатирических журналах

Когда возник журнал «Чудак», созданный Михаилом Кольцовым⁷⁷...

⁷⁷ «Чудак» появился в декабре 1928 г. как преемник журнала «Смехач», выходявшего в 1924–1928 гг. в Москве, потом в Ленинграде и опять в Москве. В 1927 г. «Смехач» не раз подвергался критике за мелкотемье. Осенью 1928 г. его ответственным редактором был назначен знаменитый тогда журналист и писатель Михаил Ефимович Кольцов (наст. фамилия Фридлянд, 1898–1942), который принял решение о коренной реорганизации журнала (см. об этом: Скороходов Г.А. Сатирическая журналистика // Очерки истории русской советской журналистики. 1933–1945. М.: «Наука», 1968, с.454–467). «Чудак» просуществовал недолго и в марте 1930 г. слился с «Крокодилом».

В.Д.: Простите, а в «Крокодиле» вы не участвовали, нет?

В.А.: Как?! С 25-го года я в «Крокодиле».

В.Д.: А в «Крокодиле» вы с Маяковским встречались?

В.А.: Нет. Там я не ви... Там я редко бывал всегда, в «Крокодиле», и там я его не видел, не встречался...

В.Д.: Все-таки не было у вас контакта по линии «Крокодила»?

В.А.: Нет, по «Крокодилу» не было. 29-й год мы не работали в «Крокодиле», те, кто был приглашен в «Чудак». И в «Чудаке», вот, он бывал часто. Я помню, однажды Олеша принес стихи, и в этих стихах было написано: «На обрезе кулака мушка очень велика». Он оставил стихи и ушел. Стихи были приняты. А потом в присутствии Маяковского стали обсуждать стихотворение — кто-то сказал: «Позвольте, но ведь на обрезе мушки нет. Обрез — это когда ствол ружья укорочен. Где же там мушка?» Маяковский сказал: «Очевидно, этот кулак второпях обрезал ружье со стороны...» С другой...

В.Д.: Приклада.

В.А.: Приклада. (Смеются.)

В.Д.: В обрезе?

В.А.: Ну, да. Потом еще был интересный эпизод. Пришел Маяковский и принес только что написанное им стихотворение:

Лошадь

сказала,

увидев верблюда:

«Какая

ужасная...

В.Д. (поправляет): Какая гигантская...

В.А. и В.Д. (хором): ...гигантская

лошадь-ублюдок».

Верблюд же

ответил: «Да лошадь разве ты?!

Ты

просто верблюд недоразвитый».

И знал только

бог седобородый,

что это —

животные

разной породы⁷⁸.

⁷⁸ Стихотворение «Стихи о разнице вкусов» (1928) прочитано неточно.

Вот он принес эти стихи. Они, конечно, всем понравились — их приняли. А он сказал: «Мне деньги нужны». Ему выписали, как сейчас помню, 50 рублей, и он пошел, пошел получать. Но бухгалтерия была уже закрыта, и касса — он вернулся обратно и сказал знаменитому темисту Михаилу Александровичу Глушкову, который выведен в «Двенадцати стульях» под фамилией Изнуренков⁷⁹.

⁷⁹ М.Д. Вольпин во второй беседе с Дувакиным скажет о Глушкове: «это был маленький человек, <...> он давал только темы, он ничего не мог писать. Очень нервный, подвижной и какой-то странный человек такой, застенчивый вроде и вроде довольно настырный. Он жил только темами для карикатур, остротами отдельными, человек только торговал прямым остроумием. Иногда это и было не сверхудачно, но по большей части на высоком уровне».

В.Д.: А-га!

В.А.: Очень точно и похоже написан портрет Ильфом и Петровым. Они, когда написали, то его вызвали, Глушкова, прочитали ему, и он сказал, что он не обижается на это. Глушков интересный человек был, великий бильярдист... Вот он сказал, Маяковский: «Глушков, пойдемте играть на бильярде». Они ушли. На другой день пришел в редакцию один Глушков и, хихикая, показал нам ордер с распиской Маяковского — Маяковский проиграл ему деньги эти, за стихотворение, и получил деньги Глушков. А я сказал, что надо тогда уже писать, что это стихи не Маяковского, а Глушкова. (*Усмехаются*).

В.Д.: Хорошее стихотворение.

В.А.: Ну, превосходное! (*Пауза.*)

Брик мне рассказывал, что... Маяковский был влюблен в Марию Борисовну Чуковскую, у которой было уже четверо детей, по-моему. Очень была крутая женщина, властная, которая повелевала Корнеем Ивановичем всю жизнь очень круто. Он приехал на дачу... там он был у Репина, как мы знаем, был у Чуковского...

В.Д.: Тогда еще?

В.А.: Да-да, в 16-м году. И ей, кажется, и было посвящено «Облако в штанах»...

В.Д.: Нет!

В.А.: Мария там — не она?

В.Д.: Нет-нет⁸⁰.

⁸⁰ Основным прототипом Марии из «Облака в штанах» являлась Антонина Гумилина, молодая художница, вскоре покончившая с собой. Другим прототипом была Софья Шамардина (см. главу «Все женщины "Мария"» из книги Светланы Коваленко «Звездная дань». Женщины в судьбе Маяковского. (М.: «Эллис Лак 2000», 2006).

В.А.: Ну, может быть, неважно... Важно, что что-то там было...

В.Д.: Это скульптор Денисова...

В.А.: Ну, Корней Иванович, значит, выслушал эти стихи, посвященные... потом сказал: «Уходи из моего дома!» Потом они опять подружились. И вот он тогда познакомился с Лилей Юрьевной, влюбился в нее, пришел и, как пишет в мемуарах Лили Юрьевны, перепосвятил ей стихи. Теперь рассказ Брика. «Он привык к нашему дому, Маяковский, он был такой обаятельный, хороший мальчик, что мы очень его полюбили. А он все говорил: «Дайте, я вам прочитаю мои стихи» А Брики, оба, говорили: «Володя, ну, не надо. Так мы вас любим. А стихи, наверное, плохие, опять это мы... вы обидитесь, поссоримся — лучше не надо». Но однажды все-таки он их уговорил. И когда выяснилось, что это вот такие стихи, что это поразительный поэт, то они пришли в восторг, и Брик спросил: «А вы издаетесь?» — «Нет» — «Почему?» — «Потому что футуристам издаваться негде...» — «А сами?» — «А надо же деньги. Но у меня денег нет». Тогда Брик сказал ему: «Я на такие стихи, на издание, найду денег. Сколько вам надо?» Он сказал: «Пятьсот рублей надо минимум...»

(*На этом запись первой беседы обрывается*)

